

Къ біографическому очерку Г. Е. Благосвѣтлова ¹⁾.

21 февраля, 1835 г., когда Г. Е. еще учился въ Камышинскомъ духовномъ училищѣ, умерла отъ трудныхъ родовъ его нѣжно любимая мать Варвара Андреевна 37 лѣтъ, о которой онъ всегда вспоминалъ съ благоговѣніемъ и любовью. По смерти жены, отецъ Г. Е., уже никѣмъ ни сдерживаемый, еще сильнѣе сталъ пить, такъ что и умеръ 44 лѣтъ, 29 ноября 1838 г., говорятъ послѣ большого перепоя (въ метрикахъ отъ водянки). Теперь у Г. Е. изъ близкихъ людей остались вдова-тетка дьячиха съ двумя дочерьми и его дѣдушка. Хотя отецъ Г. Е., жившій въ богатомъ приходѣ, могъ бы нажить большой капиталъ, но послѣ него, по словамъ Г. Е., вообще мало осталось; деньги были положены въ приказъ общественнаго призрѣнія. Первое время Г. Е. могъ еще существовать на деньги, вырученныя отъ продажи имущества, оставшагося по смерти отца и затѣмъ дѣда, отставного пономаря Ивана Гаврилова, умершаго 91 года 21 октября 1839 г. ²⁾, но потомъ средства къ жизни стали изсякать, и онъ сталъ проситься на полуказенное содержаніе, на которое онъ былъ принятъ съ братомъ Серапіономъ только послѣ вторичнаго прошенія. Я привожу его дословно, чтобы показать, съ какими познаніями выходили изъ духовнаго училища въ семинарію лучшіе ученики, проучившіеся 5¹/₂ лѣтъ.

¹⁾ См. „Русская Старина“ январь 1913 г.

²⁾ Изъ метрическихъ книгъ Владимірской церкви, села Владиміровка, Царевского уѣзда, Астраханской губерніи; между тѣмъ въ некрологъ Благосвѣтлова („Дѣло“, № 11, 1880 г.) и въ статьѣ Н. Шелгунова: Переходные характеры („Русская Мысль“, книга 3. 1888 г.) рассказывается, со словъ Г. Е., будто бы дѣдъ его, дьячекъ одного изъ селъ Саратовской губерніи, завидя пугачевцевъ, подступающихъ къ селу, взобрался на колокольню и

Его Высокопреподобію Ректору и Магистру Саратовскихъ духовныхъ училищъ Отцу Гавріилу.

Учениковъ Саратовскаго духовнаго училища высшаго отдѣленія Григорія Благосвѣтлова и нисшаго отдѣленія Серапіона Благосвѣтлова.

Покорнѣйшее прошеніе.

Мы никакъ не осмѣливаемся утруждать вторично Васъ своимъ прошеніемъ.—Мы уже лишившіеся отца своего въ 1838 годѣ, бывшаго въ слободѣ Владиміровкѣ священникомъ, а матери мы не имѣемъ 6¹⁾ лѣтъ. Итакъ къ кому прибѣгнуть, у кого просить помощи къ содержанію себя; между тѣмъ какъ насъ сиродствующихъ осталось четыре человѣка²⁾. Итакъ просимъ Васъ всепокорнѣйше неблагоугодно ли Вамъ будетъ принять насъ въ число учениковъ пользующихся казеннымъ полукошнымъ содержаніемъ. На что я будемъ ожидать Милостивѣйшаго Вашего рѣшенія. Къ сему прошенію означенный ученикъ руку приложилъ³⁾. 1840 года, генваря 8 дня.

Я жилъ съ Г. Е. въ бурсѣ,—разсказывалъ мнѣ почтенный протоіерей г. Саратова, Иванъ Викентьевичъ Любомудровъ. Такъ какъ бурса нѣсколько разъ описывалась, то я не считаю нужнымъ говорить о ней⁴⁾. Какъ имѣющій отца, который, находясь съ большою семьею безъ должности, самъ очень нуждался, я былъ на полуказенномъ содержаніи и терпѣлъ большую нужду во всемъ, въ особенности въ одеждѣ, которою снабжали меня товарищи, давая мнѣ лѣтомъ свое зимнее платье, а зимою лѣтнее; начальство же или не видѣло моей бѣдности, или не хотѣло беспокоиться обо мнѣ; только помню, что насъ, очень бѣдныхъ, было много. Ночью, въ сильный холодъ, я покрывался полосатою лошадиною попоною, ко-

---

сталь бить въ набатъ, и несмотря на требованіе перестать, упрямый старикъ продолжалъ звонить, за что пугачевцы сволокли его съ колокольни и убили.

¹⁾ Невѣрно: пять лѣтъ.

²⁾ Александръ, Григорій, Серапіонъ и сестра Раиса, бывшая впоследствии замужемъ за священникомъ Предтеченскимъ.

³⁾ Послѣ словъ: „руку приложилъ“ не поставлено ни имени, ни фамиліи, но писалъ прошеніе Г. Е.

⁴⁾ Скажу только, что ваша бурса была несравненно хуже Помяловской бурсы.

тору ю дали мнѣ добрые люди изъ жалости ко мнѣ. Увидя, что по-пона плохо согрѣваетъ меня, Г. Е., только-что поступившій въ бурсу, накрылъ меня своею фризовою шинелью и съ тѣхъ поръ сталъ ложиться спать на койкѣ, рядомъ со мною, и накрывалъ меня шинелью. Черезъ нѣсколько времени онъ подарилъ мнѣ свой на-гольный тулупъ, который покрылъ на свои деньги нанкою. Но этимъ не ограничились попеченія обо мнѣ Г. Е. На страстной не-дѣлѣ, въ пятницу 1840 г., онъ купилъ мнѣ нанковый сюртукъ и полосатыя брюки. Одѣвшись въ первый разъ въ жизни въ такой роскошный для меня тогда костюмъ, я сердечно благодарилъ его и теперь, когда я почти касаюсь одной ногой могилы, вспоминаю объ этомъ съ глубокою благодарностію. Съ тѣхъ поръ я привя-зался къ Г. Е., который сталъ даже руководить меня въ моихъ за-нятіяхъ, и я сдружился съ нимъ такъ, что долго поддерживалъ эту дружбу перепискою.

Въ іюнь 1840 г. Г. Е. кончилъ курсъ Саратовскаго духовнаго училища, имѣя отъ роду 16 лѣтъ. Въ свидѣтельствѣ, выданномъ ему училищнымъ начальствомъ, онъ аттестованъ такъ: способно-стей и прилежанія превосходныхъ, поведенія примѣрнаго, въ грам-матикахъ латинской, греческой, россійской и славянской оказалъ успѣхи превосходные, въ пространномъ катихизисѣ, церковномъ уставѣ, священной исторіи, ариметикѣ, географіи, нотномъ пѣніи и чистописаніи весьма хорошіе.

Наконецъ мы приняты въ семинарію, которая составляла мечты многихъ лѣтъ, гдѣ уже, какъ мы знали, не сѣкутъ и обращаются болѣе благородно и гдѣ учиться, какъ мы предполагали, совсѣмъ нетрудно, потому что мы часто слышали, какъ семинаристы гор-лавили пѣсню, изъ которой только одинъ припѣвъ остался у меня въ памяти:

Эти книжки—мнѣ игрушки!
Финтифлюшки—финтифлю!

и въ простотѣ сердечной вѣрили въ правдивость этихъ словъ.

Дѣйствительно, многіе учителя или, какъ тогда ихъ называли, профессора, составляли гордость семинаристовъ и о достоинствахъ ихъ разсуждали ученики и спорили, кто изъ нихъ лучше. Нѣко-торые учителя говорили въ классѣ лекціи (учитель Г. С. Воскре-сенскій), и такимъ образомъ мы могли слышать живое слово; дру-гіе, какъ учитель Сокольскій, заставляли насъ писать въ классѣ послѣ объясненія сочиненія, чѣмъ приучили насъ излагать свои мысли. Переведенный впослѣдствіи въ Казанскую духовную акаде-мію профессоромъ, Гордѣй Семеновичъ Саблуковъ, былъ хорошій

лумизматъ и знатокъ восточныхъ языковъ, особенно арабскаго и татарскаго, на которомъ онъ свободно объяснялся и даже перевелъ алькоранъ на русскій языкъ и на татарскій евангеліе и служебникъ. Саблуковъ былъ эгоистъ, человекъ самоувѣренный; слово его — законъ, но очень умный. Онъ иногда смѣшилъ насъ своими остротами. „Садись, дерево, на дерево“, скажетъ онъ бывало ученику, который или неудачно отвѣтитъ, или плохо. Педагогическіе его приемы тоже поражали насъ. Желая наглядно показать ученикамъ направленіе теченія Волги, Г. С. говорилъ: *ходи Волгу*, и ученикъ долженъ ходить по классу съ сѣвера на югъ такъ, чтобы представить всѣ главные повороты Волги. Синайскій, составитель греческихъ словарей, былъ очень умный и преданный своему дѣлу учитель. Вообще составъ учителей въ семинаріи былъ незаурядный.

И несмотря на это, съ первыхъ же уроковъ въ семинаріи мы были разочарованы въ своемъ мнѣніи относительно ея. Книжки вовсе не были игрушкаму: насъ, какъ и въ училищѣ, заставляли зубрить уроки и постоянно подтрунивали надъ нами, если кто-нибудь изъ учениковъ скажетъ что-нибудь изъ урока своими словами: „Э! да ты свои слова вставляешь! Нѣтъ, братъ, умнѣе и лучше книги не скажешь. Не выучилъ урока—и болтаешь?“ Хотя сѣчь перестали, но ставили насъ на колѣни и въ уголъ, заставляли въ наказаніе въ столовой во время обѣда молиться и класть извѣстное число земныхъ поклоновъ, смотря по винѣ и проч. Мнѣніе нѣкоторыхъ лучшихъ учениковъ шло въ разрѣзъ съ общимъ господствующимъ отзывомъ о нашихъ учителяхъ: ученики говорили, что отъ нашихъ учителей нельзя научиться и что кто имѣетъ хорошія способности и дарованія, тотъ долженъ самъ заниматься, иначе нельзя приобрѣсть отъ нихъ никакихъ знаній. Въ наше время въ семинаріи былъ небольшой кружокъ выдающихся лучшихъ учениковъ, который, кромѣ обязательныхъ занятій—приготовленій уроковъ къ классамъ, занимался самостоятельно, кто чѣмъ хотѣлъ. Родственники семинаристовъ, бывшіе въ академіяхъ и университетахъ, давали совѣты, что читать и чѣмъ вообще заниматься. Я помню, какъ одному моему товарищу его братъ-университантъ прислалъ много книгъ изъ Петербурга для приготовленія въ университетъ, а равно и для самообразованія. Благосвѣтловъ примкнулъ къ такому кружку. Помимо уроковъ онъ много самъ занимался. Будучи въ семинаріи, онъ изучилъ французскій и нѣмецкій языки и читалъ много книгъ. Такъ какъ семинарская бібліотека была недоступна для учениковъ и въ ней, кромѣ учебниковъ и книгъ духовнаго содержанія, не было другихъ книгъ для чтенія, то Г. Е. бралъ книги на прокатъ у торговцевъ пѣшаго базара, продающихъ на столикахъ всякій

хламъ и книги; знакомые также снабжали его книгами. Начальство запрещало намъ читать свѣтскія книги, считая ихъ или ненужными для нашей будущей дѣятельности, или развращающими насъ, и если, бывало, инспекторъ семинаріи, архимандритъ Тихонъ, увидитъ у какого-нибудь ученика свѣтскую книжку, то возьметъ ее и никогда уже не отдастъ; поэтому мы читали свѣтскія книжки украдкой и лѣзли къ нимъ, какъ къ запрещенному плоду. Сначала Г. Е. читалъ безъ разбора, что ни попало; но затѣмъ онъ уже оцѣниваетъ книги по достоинству. Въ низшемъ отдѣленіи семинаріи онъ прочелъ Исторію Карамзина, при чемъ дѣлалъ изъ нея много выписокъ; кромѣ того, онъ постоянно читалъ любимый тогда журналъ „Библіотеку для чтенія“ и восхищался сочиненіями Жуковскаго и Пушкина. Имѣя постоянно много книгъ, Г. Е., по просьбѣ своихъ товарищей, давалъ имъ читать ихъ; при этомъ онъ высказывалъ свои сужденія. „Капитанскую дочку не читай“, говорилъ мнѣ Г. Е., давая, по моей просьбѣ, сочиненія Пушкина: „проза у Пушкина слаба; стихи—другое дѣло!“ Но я прочелъ и ее.

Живо, какъ теперь, представляется мнѣ Г. Е., какъ идетъ онъ съ пѣшаго базара, переваливаясь изъ стороны въ сторону и помахивая руками. Одѣтъ онъ неряшливо: сѣрый казинетовый сюртукъ съ костяными пуговицами сидѣлъ на немъ бокомъ; черный галстукъ, который обязательно должны были носить семинаристы, былъ у него узломъ на сторонѣ; старая фуражка прикрывала его всключенные волосы. „Нашъ разгильдяй-то идетъ съ базара безъ книгъ:—вѣрно, ничего не отыскалъ у торговокъ“, любовно посмѣиваются надъ нимъ между собою семинаристы, увидя его хмураго, идущимъ съ пѣшаго базара. А онъ молча проходитъ мимо ихъ, почти не обращая вниманія. Это было въ то время, когда Г. Е., „кромѣ пищи и жилища, во всемъ прочемъ очень нуждался“. Хотя деньги, оставшіяся по смерти отца, и лежали въ приказѣ общественнаго призрѣнія, но ему, какъ и другому его брату, Серапіону, который ходилъ даже безъ сапогъ, босикомъ, и его одѣвала изъ жалости вдова священника, Веселовская, живущая и теперь въ Покровской слободѣ, что противъ Саратова; правленіе семинаріи, несмотря на просьбы, не дозволяло брать изъ приказа даже и процентовъ; между тѣмъ, Г. Е., какъ состоящій только на полуказенномъ содержаніи, долженъ покупать на свой счетъ не только бѣлье, одежду и обувь, но даже и мыть бѣлье, и у него не было денегъ даже на гребенку; вотъ, почему онъ, какъ и многіе другіе ученики, не былъ причесанъ. Начальство же не обращало вниманія на внѣшность; поэтому одѣвались, во что только могли, и не чесали волосъ, такъ какъ нечѣмъ было чесать. Преосвящен-

ный Іаковъ смотрѣлъ даже косо на лицъ, любящихъ хорошо одѣться. Такъ онъ недолюбливалъ и даже не представлялъ къ наградѣ очень хорошаго и трезвой жизни учителя за то только, что онъ одѣвался очень прилично и носилъ бакенбарды. Такимъ образомъ, семинарія положила на Г. Е. свой особый отпечатокъ, сообщивъ ему беспорядочность и неряшливость въ одеждѣ и вообще въ наружности.

Хотя Г. Е. былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ немногими товарищами, особенно съ тѣми, съ которыми жилъ въ одной комнатѣ, но уважали его всѣ и искали случая поговорить съ нимъ. Какъ только онъ, бывало, появится на семинарскомъ дворѣ, то его окружали ученики, и онъ, поворачиваясь на своихъ кривыхъ ногахъ то къ одному, то къ другому, велъ съ ними оживленный разговоръ. Вообще онъ былъ очень хорошій товарищъ: онъ не обижалъ и не оскорблялъ никого, никому не отказывалъ въ помощи и даже руководилъ многихъ въ занятіяхъ: когда, бывало, онъ замѣтитъ, что не такъ дѣлаютъ, то непременно обратитъ на это вниманіе. Читалъ я разъ своимъ товарищамъ, собравшимся вокругъ меня „Овсяный кисель“, Жуковскаго. Проходя случайно мимо меня и услышавъ мое плохое чтеніе, Г. Е. остановился и замѣтилъ, что я не такъ читаю; взялъ книгу и прочелъ выразительно все стихотвореніе. Онъ всегда былъ серьезенъ; мы рѣдко видѣли его смѣющимся. Когда онъ бывалъ веселъ, то любилъ поговорить. Рѣчь его, серьезная, оригинальная и обдуманная, лилась потокомъ. Краснорѣчіе его становилось увлекательнѣе и убѣдительнѣе по мѣрѣ увеличенія толпы, которая всегда собиралась вокругъ него, когда онъ говорилъ, такъ какъ краснорѣчіемъ семинаристы вообще не отличались, послушать же они очень любили; но когда онъ видѣлъ, что слушатели его уменьшаются, онъ изъ самолюбія переставалъ говорить и уходилъ. Рѣчь его поражала всѣхъ. „Изъ какой книги говорите вы?“ спрашивали его. „Говорить какъ по-печатному“, рассказывали про него его слушатели. Онъ говорилъ самоувѣренно. „Скажетъ слово—молоткомъ приколотитъ“, отзывались о немъ.

Начальство и учителя относились къ нему благосклонно и даже съ уваженіемъ: онъ никогда не только не принималъ участія въ кутежахъ своихъ товарищей, которые частенько тогда бывали, но и не слушалъ даже сальныхъ и пустыхъ разговоровъ и всегда уходилъ, когда при немъ начинались подобные разговоры; вообще, онъ велъ себя безукоризненно и безупречно. Учился онъ тоже очень хорошо, за что учителя очень часто хвалили и ставили его намъ въ примѣръ. Сознвая его превосходство предъ нами, мы не только не завидовали ему, но даже гордились имъ, какъ свѣтлою

звѣздою въ нашемъ курсѣ, думая, что изъ него выйдетъ или монахъ-аскетъ, или высокоученый человѣкъ.

Онъ удивлялъ насъ своими способностями и неутомимымъ прилежаніемъ. Въ то время, какъ въ комнатѣ вокругъ него происходили бѣготня, шумъ, крики, пѣніе, какъ всегда бываетъ, когда ученики въ свободное время отъ классныхъ занятій остаются безъ надзора, Г. Е. сядетъ за столъ, зажметъ уши и читаетъ, не обращая вниманія на то, что дѣлается вокругъ него. А то отправится заниматься въ семинарскую баню, чтобы никто не развлекалъ его. Въ 10 часовъ вечера всѣ ученики должны идти въ спальни спать, Г. Е. оставался въ комнатѣ, назначенной для занятій, и просиживалъ тамъ цѣлыя ночи за работой. Узнавши объ этомъ, инспекторъ Тиховъ запретилъ ему оставаться послѣ 10 часовъ для занятій, но ему не спалось: когда всѣ спятъ, онъ ходитъ, бывало, ночью безъ огня по спальнѣ и о чемъ-то думаетъ.

Сначала обратила вниманіе начальства на Г. Е. его необыкновенная память. Однажды преосвященный Іаковъ выразилъ инспектору свое желаніе, чтобы ученики знали наизусть нагорную проповѣдь, которая, какъ извѣстно, заключается въ трехъ главахъ (5, 6 и 7 главы евангелія отъ Матвѣя). Разумѣется, его желаніе безпрекословно было исполнено. Прошло нѣсколько времени послѣ того, и многіе изъ насъ даже позабыли ее. Но, вотъ, является въ классъ архіерей и спрашиваетъ инспектора, выучена ли нагорная проповѣдь. Получивъ утвердительный отвѣтъ и желая убѣдиться въ дѣйствительности этого, онъ обратился къ Благосвѣтлову, тогда еще ничѣмъ невыдававшемуся, и велѣлъ ему прочесть. Удивленіе всѣхъ было полное, когда Г. Е. проговорилъ всю нагорную проповѣдь, ясно, громко, безъ запинки и съ чувствомъ! Преосвященный похвалилъ Г. Е. и поблагодарилъ инспектора. Особенно заговорили о Г. Е., какъ о выдающейся личности, въ философскомъ классѣ, гдѣ задавались ученикамъ сочиненія, или, какъ тогда называли, задачки, на отвлеченныя и философскія темы. Обыкновенно сочиненіе каждаго ученика было написано на поллистѣ или на листѣ бумаги; Г. Е. же, какъ много читавшій и знавшій, представлялъ учителю сочиненіе на нѣсколькихъ листахъ, которое часто прочитывалось преподавателемъ всему классу, какъ образцовое. Одно изъ его сочиненій было настолько хорошо и замѣчательно, что многіе были увѣрены, что писалъ его кончившій курсъ Саратовской семинаріи въ 1834 г. Иринархъ Ивановичъ Введенскій, извѣстный переводчикъ Диккенса. Какъ бы то ни было, но вліяніе И. И. Введенскаго на Г. Е. Благосвѣтлова еще въ семинаріи было несомнѣнно. Но такъ какъ единственный біографъ его, Г. Е. Благо-

свѣтловъ, невѣрно передалъ многія біографическія подробности Введенскаго, то мы исправимъ невѣрныя свѣдѣнія объ этой интересной личности, насколько они касаются Г. Е. Благосвѣтлова.

Сынъ священника села Жуковки, Петровскаго уѣзда, Саратовской губерніи, И. И. Введенскій, а равно и его сестры, живя еще въ домѣ родителей, выучились французскому языку у помѣщиковъ того села, Жукова и Эшмана, въ домахъ которыхъ они часто бывали, а сестры даже и жили у Эшмана. У Жукова было много французскихъ книгъ, состоящихъ изъ сочиненій Вольтера и энциклопедическаго содержанія и вывезенныхъ имъ изъ Франціи, которую онъ посѣщалъ. Большая часть этихъ книгъ перешла впоследствии къ Введенскому. Воспитанный на чтеніи такой литературы, Введенскій поступилъ въ Саратовскую семинарію ¹⁾, прекрасно зная французскій языкъ, такъ что онъ поражалъ своими познаніями въ немъ не только семинарскую корпорацію, но и саратовскую интеллигенцію, присутствовавшую на публичныхъ семинарскихъ экзаменахъ, которые были для Введенскаго полнѣйшимъ триумфомъ. Благодаря своему знанію французскаго языка, онъ бывалъ у архіерея Іакова и даже жилъ, по приглашенію его, въ рождественскія каникулы въ архіерейскомъ домѣ вмѣстѣ съ пѣвчими, читая иногда архіерею по вечерамъ французскія книги; кромѣ того, онъ былъ принятъ у губернатора Переверзева ²⁾ и вице-губернатора Муромцева и въ другихъ аристократическихъ домахъ, гдѣ встрѣчалъ иногда французовъ, изъ плѣнныхъ, оставшихся у насъ послѣ 1812 г. Французы эти, поступаая къ русскимъ въ качествѣ учителей и гувернеровъ, отличались полнѣйшимъ невѣжествомъ и имѣли простонародный выговоръ, такъ какъ почти всѣ были изъ провинціальныхъ крестьянъ, за исключеніемъ одного Савена. Введенскій, хорошо владѣя французскимъ литературнымъ языкомъ, часто уличалъ французовъ въ незнаніи ими литературнаго языка, такъ что они не только избѣгали его, но въ буквальномъ смыслѣ убѣгали отъ него изъ опасенія быть осмѣянными.

А. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Онъ перешелъ въ Саратовскую семинарію изъ Пензенской, въ среднее отдѣленіе (философскій классъ).

²⁾ Благосвѣтловъ въ біографіи Введенскаго говоритъ, что Введенскій, „перевравшись изъ Московскаго университета въ Петербургскій, надѣялся застать въ Петербургѣ П. и воспользоваться его покровительствомъ“. Подъ инициаломъ П. скрыта фамилія бывшаго саратовскаго губернатора Переверзева.